ЯЗЫК СМИ

В.Ю. Кожанова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры электронных СМИ и новых медиа факультета журналистики Кубанского государственного университета, г. Краснодар; e-mail: valery_k21@mail.ru

КОНЦЕПТЫ РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКИ В ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ МЕДИАТЕКСТА

Автор исследует концепты рецептивной эстетики, в частности свободную интерпретацию литературного произведения, теорию создания образа идеального читателя, вступающего в диалог с автором. Исходя из определений читателя, как главного реципиента любого литературного произведения, формулируются проблемные зоны рецепции медиатекста, как главенствующего фактора взаимодействия автора и читателя.

Ключевые слова: *рецептивная эстетика, автор, коммуникатор, медиатекст.*

Author explores the main concept of receptive aesthetics as free interpretation of literary writing, which helps to create an ideal reader image. Reception of media text is main factor of communication between an author and a reader. In the assumption of these definitions the basic problems of that act of communication are formed.

Key words: *receptive aesthetics, author, communicator, media text.*

Текст всегда являлся объектом пристального изучения специалистов различных научных областей знания. Определений текста существует множество, гораздо сложнее определить интерпретативную парадигму текста. Смысл текста, его восприятие — одна из важнейших проблем не только лингвистики и литературоведения, но и философии и журналистики. Возможно, теория рецептивной эстетики наиболее близка к расшифровке авторских интенций, заложенных в произведении любого характера, а также восприятия их читателем. Рецептивная эстетика ознаменовала собой новое направление в изучении текста, частично унаследовав мировоззренческие позиции феноменологии, философии жизни, герменевтики, заложив основы современных теорий критики. Следует кратко изложить основы философских течений конца XIX — начала XX века для понимания причин рождения рецептивной эстетики.

Предтечей ее являлась феноменология. Основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль, чей главный труд «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» с девизом: «Назад к самим вещам» призывал воспринимать вещи окружающей действительности чистыми и незамутненными мировым сознанием.

Идеи феноменологии легли в основу феноменологической критики, которая вплотную занялась изучением и анализом текста. В данном случае все литературное произведение, следуя канонам чистой феноменологии жизни, находится вне исторического контекста, автора, условий создания и чтения. Важнее имманентное чтение текста, совершенно не зависящее от условий внешних и внутренних. Смысловая константа текста, стилеобразующие детали сводятся к воплощению авторского сознания, или, точнее, бессознательного авторского «Я». Погружение в текст и в мир его творца должно быть независимым от конкретики. Необходимость изучать условия создания текста, биографию автора, исторические вехи отсутствует. Познание свершается путем погружения в «жизненный мир», в реальность, прочувствованную и пережитую автором[1]. С точки зрения феноменологии текст являет собой акт познания не столько смысла, сколько авторского мира.

Вслед за феноменологией герменевтика развивала свои идеи немного в другом направлении. Фридрих Шлейермахер[2], Вильгельм Дильтей[3] стояли у истоков возникновения и развития герменевтики. Ганс Георг Гадамер[4] и Поль Рикёр[5], пожалуй, самые знаменитые преемники. Термин «герменевтика» был позаимствован у Мартина Хайдеггера, определяющего трактовку философских установок как «герменевтику бытия»[6]. Необходимо отметить, что сам термин «герменевтика» был привлечен Хайдеггером для обозначения некоторой практики, образцом которой могла быть классическая теологическая герменевтика, или наука об истолковании текстов Священного Писания. Большое значение Хайдеггер уделял языку как методу познания мира. Гадамер вслед за Хайдеггером в своей ключевой работе «Истина и метод» (1960)[7] очертил круг вопросов современной герменевтики: Каков смысл литературного текста? Насколько важен для понимания этого смысла авторский замысел? Возможно ли понять произведение, чуждое нам культурно и исторически? Возможна ли «объективная интерпретация» или понимание тесно связано с исторической ситуацией? Концепция герменевтики развивает идеи понимания текста и языка. Гадамер представляет

---

[1] См.: *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. С. 177.

[2] См.: *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004.

[3] См.: *Дильтей В.* Сущность философии. М.: Интрада, 2001.

[4] См.: *Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.

[5] См.: *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008.

[6] *Хайдеггер М.* Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 235.

[7] См.: *Гадамер Г.Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1999.

отношения между языком и текстом не как отношения между системой и ее использованием, но как отношения между сущностью и ее отчужденными проявлениями. Восприятие текста прежде всего преодоление отчуждения. Понимание — процесс созидания языка и рождение нового смысла. Литературное произведение может иметь разный смысл для разных людей в разное время. Но речь идет скорее о знании произведения, чем о его интерпретации. Иногда совершенно случайно мы можем достичь правильной и единственно верной интерпретации, своеобразного озарения, но насколько данная интерпретация будет верна с авторской точки зрения, — вопрос открытый.

Герменевтика стала основой рецептивной теории Ясусса. Рецептивная эстетика, или рецептивная теория, рассматривается как последнее течение герменевтики и, пожалуй, более всего близка к истинности интерпретации текстов. Ее теоретиками были Ханс Роберт Ясусс, Роман Ингарден [Ингарден, 1962] и Вольфган Изер [Изер, 1999]. Рецептивная эстетика впервые обратилась не только к автору и его внутренним переживаниям, но и к читателю, поставив его в один ряд с создателем произведения. Сам текст в действительности является не более чем последовательностью «сигналов» читателю, приглашающих создать отрывок языка в поле смысла. В терминах рецептивной теории читатель «конкретизирует» литературное произведение. Процесс чтения, с точки зрения рецептивной теории, всегда динамичен, это сложное движение и развертывание во времени. Само литературное произведение существует лишь в качестве того, что польский теоретик Роман Ингарден называет набором «схем» или общих направлений, которые может реализовать читатель. Чтобы сделать это, читатель привнесет в произведение определенные «пред-понимания», смутный контекст убеждений и ожиданий, внутри которых будут определяться различные особенности. Однако по мере развития процесса чтения эти ожидания сами будут изменены тем, что мы узнаем, и герменевтический круг — движение от части к целому и обратно к части — начнет свое вращение. Стремясь создать связное ощущение от текста, читатель будет отбирать и организовывать его элементы в последовательное целое, убирая одни вещи и выводя на первый план другие, уточняя определенные события определенным образом. Он будет пытаться удержать вместе различные точки зрения, присутствующие в произведении, или переходить от одной точки зрения к другой, чтобы выстроить всеобъемлющую «иллюзию». То, что мы узнали на первой странице, будет постепенно исчезать, «смещаться в ракурсе» памяти, возможно, чтобы получить полностью иное значение благодаря будущему знанию. Чтение — это не прямое линейное движение или простая процедура

накопления: наши первоначальные представления образуют рамки из отношений, в которых объясняется все, что произойдет, но именно происходящее позже может ретроспективно трансформировать наше изначальное понимание, освещая одни его особенности и затемняя другие.

Вольфганг Изер, представитель так называемой констанцской школы рецептивной эстетики, чьи теории имели сильный резонанс, говорит в своей работе «Акт чтения» (1978) о «стратегиях», которые текст заставляет осуществляться, и о «репертуаре» привычных тем и аллюзий, которые они содержат. Вообще, чтобы читать, нужно быть знакомым с литературными техниками и традициями, которые развертываются в конкретном произведении. Мы должны понимать «коды», через которые обозначаются правила, методично управляющие способами производства смыслов. Самый действенный литературный текст для Изера — это тот, который вынуждает читателя обрести новое критическое понимание привычных для него кодов и ожиданий. Произведение ставит под сомнение и преобразует имплицитные убеждения, которые мы к нему применяем, разрушает наши обычные привычки восприятия и таким образом впервые за все время их существования подводит нас к осознанию того, что они такое. Оценка литературного произведения нарушает или преодолевает эти обычные способы поиска в большей мере, чем простое усиление наших исходных представлений, и таким образом учит нас новым кодам понимания. Вся специфика чтения, по мнению Изера, состоит в том, что оно приводит нас к глубокому самоосознанию, провоцирует более критичный взгляд на нашу идентичность.

Рецептивная теория Изера базируется, по сути, на идее, что в процессе чтения мы должны проявлять гибкость и обладать широкими взглядами, должны быть готовы поставить свои убеждения под вопрос и позволить им изменяться. За этим положением скрывается влияние герменевтики Гадамера с его доверием к тому самопознанию, которое обогащает себя в контакте с непознанным. Также Изер утверждает, что читатель с твердыми идеологическими установками, вероятно, не сможет адекватно воспринять текст, так как едва ли сможет раскрыться навстречу трансформирующей силе литературных произведений. Это подразумевает то, что чтобы дать тексту нас преобразовать, мы должны сперва объявить наши убеждения временными. Правильный читатель уже должен быть либеральным: акт чтения создает именно тот тип человеческого субъекта, который заранее для него требуется. Читатель не подвергается радикальной критике, а лишь возвращается к самому себе как либеральному субъекту. Все в читающем субъекте ставится под вопрос процессом чтения, кроме того, какой конкретно субъект

находится перед нами, эти идеологические ограничения нельзя критиковать, иначе развалится вся модель. В этом смысле множественность и бесконечная открытость процесса чтения допускаются благодаря тому, что они предполагают определенную разновидность закрытого единства, всегда остающегося на месте, — единства читающего субъекта, который изменяется и переходит свои границы лишь за тем, чтобы более полно вернуться к себе. Разновидностью читателя, на которого литература оказывает воздействие наиболее глубоко, является человек, уже обладающий «правильными» способностями и ответными реакциями, искусный в обращении с определенными критическими техниками и опознающий определенные литературные традиции. Но эта разновидность читателя менее всего нуждается во влиянии. Такой читатель «преобразован» уже изначально и готов пойти на риск дальнейших преобразований уже в силу этого факта. По сути, рецептивная эстетика изучает реакцию на восприятие литературных текстов читателями в разных исторических ситуациях, наряду с этим фиксируя перемены, которые претерпевает в читательском восприятии одно и то же литературное произведение. Поэтому рецептивная эстетика в основном опирается на исторические свидетельства, пытаясь обнаружить господствующие установки в сознании читателей прошлого, определявшие понимание ими литературных текстов [Иглтон, 2010]. Подобные попытки, по словам Ханса Роберта Ясусса, ведут к «обновлению литературной истории» путем реконструкции «горизонта ожидания», который раскрывается через общепринятые среди читающей публики различных эпох представления о стандартах художественного мастерства. Одновременно «горизонт ожидания» позволяет нам осознать содержание и форму литературного текста исторически, то есть в процессе развертывания их понимания. «Тем самым, — утверждает Ясусс, — мы получаем возможность уловить герменевтическое различие между прежним и нынешним пониманием произведения, и нам становится очевидна история его рецепции, связывающая оба этих временных момента» [История эстетики, 2011, с. 711].

Таким образом, рецептивная эстетика направлена на описание исторических условий, накладывающих отпечаток на восприятие литературы читателями той или иной эпохи. С точки зрения рецептивной эстетики литература становится инструментом для воссоздания прошлого, поэтому подобное исследование прежде всего нуждается в герменевтическом, социологическом и историческом методах. В конечном итоге рецептивная эстетика видит свою цель в том, чтобы реконструировать понимание текста в прошлом и тем самым заложить основы научной дисциплины, которую можно было бы назвать исторической семантикой литературы. То, что ле-

жало на периферии интересов рецептивной эстетики, становится предметом пристального внимания со стороны теории эстетического отклика, которая изучает воздействие литературного произведения на читателя и отклики, порождаемые произведением в его сознании.

В теоретических учениях рецептивной эстетики одной из разрабатываемых идей была идея о взаимодействии автора и читателя, что привело к возникновению так называемого «горизонта ожидания» — понятия, введенного одним из основателей рецептивной эстетики Г. Ясуссом[8]. Горизонт ожидания — это комплекс эстетических, социально-политических, психологических представлений, определяющих отношение читателя к произведению, обуславливающий как характер воздействия произведения на общество, так и его восприятие обществом. Горизонт ожидания — это то, чего ждет читатель от произведения, художественного или журналистского. Согласно идеям рецептивной эстетики, любое художественное произведение не равно себе. Его текст не меняется, но смысл изменчив. Сам смысл — это результат взаимодействия опыта читателя и автора. Восприятие произведения идет в режиме диалога читателя и текста. Автор сосредотачивает и запечатлевает в тексте свой жизненный опыт, идеи, которые он хочет выразить сталкивает их с жизненным опытом реципиента. Смысл произведения рождается в акте рецепции, то есть восприятии, он исторически изменчив, зависит от эпохи, социокультурной обстановки общества и индивидуальности воспринимающего. Опыт читателя имеет три важнейшие характеристики: историческую, групповую и индивидуальную, ими и определяется не только смысл, но и онтологический статус произведения (его социальное положение, бытие в обществе, последствия воздействия его не только на конкретного читателя, но и на общество в целом).

Не менее важна роль читателя. Читатель — адресат текста, реципиент, то есть субъект восприятия (понимания, интерпретации, осмысления или конструирования — в зависимости от подхода) его семантики, субъект чтения. Рецептивная эстетика и литературная семиотика (прагматика) 1970-х годов не только углубили представления о способах и процедурах анализа рецептивной ситуации, но и прояснили общую перспективу теории читательских ответов. Рецептивный подход по отношению к читателю заключается в том, что значение сообщения ставится в зависимость от интерпретативных предпочтений реципиента: даже наиболее простое сообщение, высказанное в процессе обыденного коммуникатив-

[8] См.: *Ясусс Г.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34—84.

ного акта, опирается на восприятие адресата, и это восприятие некоторым образом детерминировано контекстом (при этом контекст может быть интертекстуальным, интратекстуальным и экстратекстуальным, и речь идет не только о рецепции литературных текстов, но также и любых других форм сообщений)[9].

Исследование диалектики отношений между автором и читателем, отправителем и получателем породило множество семиотических или экстратекстуальных нарраторов, субъектов высказывания, фокализаторов, голосов, метанарраторов. Фактически каждый теоретик предлагал свою классификацию различных типов читателя, среди которых можно выделить, например, «метачитателя», «архичитателя действительного, властного, когерентного, компетентного», «идеального», «образцового», «подразумеваемого», «программируемого», «виртуального», «реального», «сопротивляющегося» и даже читателя «нулевой степени»[10].

Помимо литературных текстов, восприятие которых действительно может быть затруднено ввиду исторических, культурных и многих других факторов, существуют новые виды текстов, восприятие которых может быть обосновано посредством рецептивной теории. Любой текст, не являясь исторически важным документом, культурным наследием, шедевром мировой литературы, может быть видоизменен. Современное общество сталкивается с тем, что все больше и больше текстов, претендуя на звание «литературных», таковыми не является. Медиатекст рассматривают как произведение определенного жанра или вида, который тем не менее может считаться своего рода своеобразным произведением искусства. Несомненно, медиатекст — универсальная единица действующего медиапотока, объединяющая в себе газетную статью, радиопередачу, телевизионный текст, интернет-рекламу, практически все виды продукции современных средств массовой информации. Некоторые специалисты причисляют к медиатексту блоги как платформу создания новых форм журналистских произведений. Эта точка зрения достаточно спорная, тем не менее, по нашему мнению, некоторые блоги действительно являются медиатекстом и соответственно могут быть подвергнуты анализу с точки зрения рецепции их массовой аудиторией.

Термин «медиатекст» появился в 90-х годах XX века, создав научные школы и направления по его изучению. Проблемой медиатекста занимались Теун Ван Дейк[11], В.Г. Костомаров [Костомаров,

---

[9] См.: *Ясусс Г.* К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 89.

[10] Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь. М.: ИНФРА, 2003. С. 145.

[11] *Дейк Т. Ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

2008], Г.Я. Солганик [Солганик, 2005], Т.Г. Добросклонская [Добросклонская, 2008], А.В. Федоров[12].

Медиатекст является одной из главных коммуникативных единиц не только языка, но и журналистики. В настоящее время концепция медиатекста в отдельных аспектах обоснованна, и он правомочно определен как главная категория медиалингвистики — нового направления журналистского знания.

Медиатекст в каком-то смысле нельзя назвать документальным свидетельством того, что реально существует или когда-то существовало, он, скорее, переформулирует и интерпретирует уже отраженную в сознании автора реальность. Медиатекст привносит в читательскую действительность то, что автор видит, создает, выражая собственную позицию, в чем иногда могут заключаться противоречия. Авторская субъективная реальность и рецепция читателя данной реальности существенно различаются.

Вопрос об эстетической ценности медиатекста, снимающей возникшие в нем противоречия, рассматривает проблему воздействия, которое медиатекст оказывает на своего читателя.

Здесь существует несколько проблем. Во-первых, если с читателем что-то происходит, то медиатекст подобен событию, которое превращает акт чтения в соучастие и требует отклика. Под «событием» понимается некоторое явление, выходящее за все известные рамки и не сопоставимое ни с одним из знакомых явлений.

Вторая проблема заключается в том, что структура медиатекста направляет процесс его прочтения, и это делает читателя в какой-то степени зависимым от авторской точки зрения и его же интерпретации.

Третью проблему можно сформулировать так: взаимоотношения между медиатекстом и социально-историческим контекстом и сложившимися читательскими ожиданиями. Подобные взаимоотношения всегда усложняются существующими в обществе социальными и культурными процессами, что влияет на уровень рецепции информации в медиатексте.

Сам по себе медиатекст насыщен множеством узнаваемых социальных деталей, норм и ценностей, но их сочетание больше не имеет прямых соответствий чему-либо за пределами текста, если разрушены референциальные поля, с которыми он соотносится. Зачастую, вместо того чтобы служить отражением социальных процессов, медиатекст в самом себе устанавливает трансцендентную глубоко личностную авторскую точку зрения, то есть позицию, которая находится не за пределами исследуемого состояния

[12] См.: *Федоров А.В.* Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010.

дел, а принадлежит ситуации, в которой пребывает медиатекст наряду со своими читателями и интерпретаторами. Большинство авторов интерпретируют события и факты, исходя из своего социокультурного опыта, психологического состояния, но читатель также имеет определенные фоновые знания, жизненный опыт и свою индивидуальную способность к рецепции.

Рецепция медиатекста осложняется тем, что журналистское поле подвергается заметному давлению со стороны коммерциализации экономики, само структурно воздействует на другие поля, неся опасность сферам культурного производства. Векторы взаимодействия журналистики, рекламы и связей с общественностью направлены на то, что умножаются, усиливаются интеграционные процессы на коммуникационном поле. Рецептивный аспект восприятия медиатекста также затрудняется из-за того, что современные массмедиа ориентируются на распространение прежде всего новостных потоков, фокусируют внимание массовой аудитории на сиюминутном отражении мира.

Если читатель встречается с медиатекстом, в котором автор закладывает собственный социальный и культурный контекст, то он обнаруживает, что нормы этого контекста теряют в произведении свою функциональную нагрузку. Читатели имеют возможность проанализировать навязанные им нормы и установки, которым они обычно подчиняются и на которые ориентируются в повседневной жизни, не задумываясь над их содержанием. Более того, читатель может не только реконструировать конкретную ситуацию, которую описывает автор в определенном культурном и социальном контексте, на которую отозвался данный текст, но и интерпретировать смысл, заложенный автором в медиатексте, обнаружить в нем конкретные недостатки и достоинства. Таким образом происходит перекодировка социальных и культурных норм в медиатексте, которая имеет двойную функцию: она помогает реципиенту осознать то, что он обычно не замечает в процессе будничной жизни, и освоить реальность, с которой он раньше никогда не сталкивался.

Современные СМИ, руководствуясь законом о свободе авторского выражения, представляют реципиенту весьма разнообразные по стилю, форме и средствам изображения материалы. Зачастую эти материалы нарушают социальные правила, не соблюдают элементарные законы этики, языковой и стилистической нормированности, а также умножают количество коммуникативных неудач в этой социально значимой сфере общения. Тем не менее рецепция происходит по многим параметрам. Читатель, воспринимая информацию, трансформирует картину мира, создавая новую модель реальности, наиболее близкую и знакомую ему.

Журналист, осуществляя свою профессиональную деятельность, должен владеть системой критериев для оценки текстов разных типов и жанров, которую он может использовать и при саморедактировании на этапах планирования, создания и редактирования, и в целях предварительной экспертизы, и в случаях необходимости отвечать на иски недовольных персонажей или потребителей текстов массовой коммуникации. Ключевые понятия при этом — ценность, оценка, норма. Эти понятия могут привести к верной и адекватной рецепции медиатекста. Интерпретативные возможности различных групп читателей формируют другую картину мира, существующую в их сознании, существенно отличающуюся от начальной авторской позиции.

Коммуникация автора и читателя порождают одновременно конкретный и воображаемый смысл медиатекста. Однако подобные взаимоотношения отмечены основополагающей асимметрией между текстом и читателем, так как между отправным пунктом и получателем сообщения не существует общего кода, который мог бы управлять освоением текста, и в лучшем случае такой код вырабатывается уже в процессе чтения. Этот дисбаланс между медиатекстом и читателем не имеет четких границ, но именно за счет этой неопределенности возрастает разнообразие возможных способов коммуникации. Чтобы эти возможности реализовались и коммуникация с читателем протекала успешно, медиатекст должен до некоторой степени направлять своих читателей.

Использование определенных норм создания медиатекста позволяет журналисту давать читателю возможность облегченного восприятия информации. Читательская точка зрения может быть смещенной и, естественно, отличаться от авторской позиции, но именно подобным образом осуществляется коммуникативная функция медиатекста.

Информация, ее рецепция, генерация и интерпретация являются основными элементами коммуникации и журналистики в целом. Они остаются открытыми структурами, требующими своего завершения, выполнить которое под силу только читателю. Тем самым обосновывается возможность индивидуально окрашенной рецепции медиатекста. Но медиатекст не имеет какого-то одного определенного смысла именно для реципиента, так же как и автор может вкладывать в свое произведение различные смысловые инварианты. Возможные несовершенство и сложность медиатекста весьма продуктивны для восприятия, поскольку они позволяют медиатексту обретать смысл в череде исторически сменяющих друг друга контекстов.

Список литературы

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта, 2008.

Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.

Изер В. Рецептивная эстетика. Герменевтика и переводимость. Академические тетради. Вып. 6. М.: Независимая академия эстетики и свободных искусств, 1999.

Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

История эстетики / Под ред. В.В. Прозерского, Н.В. Голик. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011.

Костомаров В.Г. Рассуждения о формах текста в общении. М., 2008.

Солганик Г.Я. Язык современной публицистики: Сборник статей. М.: Флинта, 2005.

Поступила в редакцию
12.03.2012